

Пр^{Тарас}охасько

НЕПРОСТЫЕ

Роман, повести

Харьков
«ФОЛИО»
2018

А кто не прочитает сие эссе, тому так или иначе будет непросто в жизни, поскольку их Непростые обойдут своими явными сюжетами, даже выключат звук и свет.

Ярослав Довган

ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ СЛУЧАЙНЫХ ПЕРВЫХ ФРАЗ

1. Осенью 1951 года было бы неудивительно двинуться на запад — тогда и восток начал медленно перемещаться в том направлении. Однако Себастьян с Анной в ноябре пятьдесят первого ушли из Мокрой на восток, которого все же тогда было больше.

Точнее — на восточный юг, или юго-восток.

2. Это путешествие откладывалось столько лет не из-за войны — война слишком мало могла изменить в их жизни. Себастьян сам решил нарушить традицию семьи, по которой детям полагалось показывать места, связанные с семейной историей, в пятнадцатилетнем возрасте. Ведь когда Анне было пятнадцать, Себастьян осознал, что все повторится и что Анна стала для него единственно возможной женщиной

во всем мире. И он не только может жить лишь возле нее, но и не может уже существовать без нее.

Тем временем в Яливце — в том родовом гнезде, куда следовало отвезти Анну, — ее ждали Непростые. И Себастьян знал, что они очень легко убедят дочь остаться с ними.

В конце концов то, что Анна тоже станет Непростой, было предусмотрено ими еще во время ее рождения.

3. В апреле пятьдесят первого Анна почувствовала, что папа Себастьян — ее единственный возможный мужчина, и они стали любить друг друга.

Той весной многие ходили неслыханными маршрутами и переносили невероятные слухи. Так Себастьян узнал, что Непростые исчезли из Яливца. С тех пор о них никто ничего не слышал.

Все лето Себастьян с Анной беспробудно занимались любовью, и мимо них прошло несколько разных армий. Ничто не мешало идти ни на восток, ни на юг, ни на юго-восток. Когда стало по-настоящему холодно и дороги плотнее втиснулись в свои колеи, они, наконец, вышли из Мокрой и через несколько дней должны были быть в Яливце. Путешествие откладывалось три года. Но Себастьян ничего не боялся — у него снова была настоящая женщина. Той же породы, что и всегда.

4. Он не мог себе представить, как сможет показывать дочери места в горах от Мокрой до Яливца на самом деле. Вместо четырех дней необходимо, чтобы путешествие длилось четыре сезона. Только так — а еще днем, ночью, утром и вечером Анна могла бы увидеть, как в одно и то же время

по-разному выглядит эта дорога. Он смотрел на карту, читал названия вслух и становился счастливым уже от этого одного.

Его даже не огорчало, что карта ни о чем не говорила Анне.

Правда, немного беспокоили деревья, которые не видел столько лет, — чаще всего именно из-за их роста места становятся неожиданно неузнаваемыми. И еще — это самое веское доказательство необходимости никогда не оставлять близкие деревья на произвол судьбы.

Что касается самого перехода, то ни одно путешествие и так не знает, что с ним может произойти, не может знать своих истинных причин и следствий.

5. Когда-то Франц говорил Себастьяну, что на свете есть вещи, гораздо важнее того, что называется судьбой. Франц имел в виду прежде всего место. Есть место — есть история (если же ткется история, значит, должно отыскаться соответствующее место). Найти место — создать историю. Придумать место — найти сюжет. А сюжеты в конце концов тоже важнее, чем судьбы. Есть места, в которых невозможно уже ничего рассказать, а иногда стоит заговорить одними только названиями в правильной последовательности, чтобы навсегда овладеть интереснейшей историей, которая будет удерживать сильнее, чем биография. Топонимика способна ввести в заблуждение, но ею можно вполне обойтись.

6. И с Себастьяном произошло нечто подобное. Он нашел для себя Яливец, придуманный Францем. Его зачаровала лингвистика. Топонимика захватила его, а не просто он увлекся ее завораживающей круговертью.

Плеска, Опреса, Темпа, Апеска, Пидпула, Себастьян, Шеса, Шешул, Менчул, Билын, Думень, Петрос, Себастьян.

Еще не существовало никаких гор, а названия уже были заготовлены. Так же как и с его женщинами — их еще не было на свете, когда его кровь начала смешиваться с той, которая должна была стать их.

С тех пор он был озабочен только тем, чтобы держаться этой ограниченной топонимики и этой усеченной генетики.

7. Франциск встретил Себастьяна на скале за Яливцом. Себастьян возвращался из Африки и стрелял птиц. Снайперская винтовка не давала ощущения убийства. Через оптику видно лишь определенное кино. Выстрел не то чтобы обрывает фильм, а вносит в сценарий какую-то новую сцену. Поэтому он настрелял довольно много всевозможных мелких птиц, которые летели над Яливцом как раз в Африку.

Вскоре должна была настать зима. Зима обязана что-то изменить. Зима указывает цель — это ее основное свойство. Она закрывает открытость лета, и это уже должно во что-нибудь вылиться.

Франциск искал что-то, из чего можно было сделать очередной анимационный фильм. И вдруг — накануне зимы: скала над городом, внутри города, стая птиц над горой, летящих в Африку, в Малую Азию, туда, где поля с шафраном, алоэ и гибискусом между гигантским шиповником неподалеку от длинного Нила, несколько сраженных в глаз разноцветных птиц, сложенных одна на другую, отчего различные цвета еще больше контрастируют, в каждом правом глазу отблеск

межконтинентального Маршрута, в каждом левом — красное пятно, и ни одно перышко не повреждено, и легкий ветерок наворачивает пух с одного невесомого тельца на призрачный пух другого, и глаз стрелка в обратном преломлении оптики. И стрелок. Красный белый африканец.

8. У Себастьяна окоченели руки. Он отморозил их в ночной Сахаре, и с тех пор они не терпели рукавиц. Себастьян сказал Францу — а что же должны делать пианисты, когда так холодает?

Они смотрели во все стороны, и везде было хорошо. Потому что была осень, и осень перетекала в зиму. Франц называл разные горы, даже не показывая — где какая. После этого он пригласил его к себе. У него уже давно не было гостей — давно не встречал на скалах никого незнакомого. Очевидно, тогда они впервые пили кофе с грейпфрутовым соком, когда Анна принесла им кувшинчик на застекленную галерею, где в медной печурке полыхали обрезки виноградных лоз. Себастьян тогда попросил, чтобы она немного задержалась и показала — что видно через это окно. Анна перечислила — Плеска, Опреса, Темпа, Апеска, Пидпула, Шеса, Шешул, Менчул, Билын, Думень, Петрос.

Была поздняя осень 1913 года. Франц сказал, что есть вещи, гораздо важнее того, что называется судьбой. И предложил Себастьяну попробовать пожить в Яливце. Темнело, и Анна перед тем, как принести второй кувшинчик, — почти один только сок, кофе несколько капель, — пошла постелить ему постель, потому что еще не смогла бы сделать этого на ощупь.